

Предуведомление

Все эти истории правдивы или, если быть совсем точным, какие-то правдивы, а какие-то содержат зерно правды в орнаментальной скорлупке. Одни случились со мной лично, другие, от кого-то услышанные, я использовал в своих целях, что только подтверждает слова: «При общении с писателем держите язык за зубами, если не хотите стать литературным персонажем».

У меня нет ни малейшего желания объяснять, в каких историях содержится правда, а в каких полуправда, но надеюсь, это не мешает вам получить от них удовольствие.

Джеральд Даррелл

ЭСМЕРАЛЬДА

Среди многих мест в *La Belle France*¹ есть одно, уже само благозвучное название которого добавляет блеску глазам гурмана, его щеки розовеют от предвосхищения, а изо рта текут слюнки, — это Перигор. Здесь каштаны и грецкие орехи поражают своими размерами, а земляника душиста, как будуар куртизанки. Здесь яблоки, груши и сливы напитаны божественными соками, здесь мякоть цыпленка, утки и голубки прочна и бела, масло своей желтизной напоминает солнечное сияние, а если его взбить маслобойкой, в этом густом замесе запросто удержится стакан с вином. Но главный приз Перигора прячется в суглинке дубовых рощ — это трюфель, гриб-троглодит, живущий в лесополосе, черный, как кот ведьмы, и неотразимый, как аравийские запахи.

В этом восхитительном уголке я обнаружил очаровательную деревеньку и остано-

¹ Прекрасная Франция (*фр.*).

Выдать маму замуж

вился в маленькой гостинице под названием «Три голубка». Моим хозяином был Жан Петтион, весельчак с румяным от вина лицом, напоминающим яблоко сорта пепин. По случаю осени леса превратились в роскошный гобелен, игравший золотом и бронзой. Чтобы насладиться этим видом в полной мере, я попросил месье Петтиона приготовить мне все для пикника. Припарковав машину, я вошел в лес и порадовался блеску красок и причудливости росших повсюду поганок. Я уселся на крепкий пенек от старого дуба и устроил себе ланч, а когда закончил, зашуршали заросли мертвого папоротника цвета имбиря, и передо мной явилась огромная свинья. Мы оба сильно удивились и какое-то время с интересом друг друга разглядывали.

Она была весом под сто килограммов, гладко-розовая, с персиковой белой шерсткой и декоративными черными пятнышками, которые Природа расположила на теле с продуманной соблазнительностью, подобно тому как в семнадцатом веке дамы наносили себе мушки на лицо и на грудь. В ее золотистых глазках сквозили мудрость и озорство, уши висели по бокам, как головной убор монашки, а гордо торчащее, с морщинками рыльце порождало ассоциации с на-

дежным викторианским инструментом для прочистки сточных труб. У нее были изящные, хорошо отполированные копытца и великолепный розовый хвостик в виде вопросительного знака, этакий моторчик жизнеобеспечения. Вместо ожидаемого запашка она источала тонкие ароматы, какие исходят от луга в весенних цветах. Вот тебе и свинья! Я не сразу вспомнил, когда последний раз вдыхал такие волшебные романтические запахи. В тот день я вошел в лифт в отеле, где проживал, и ехавшая вниз роскошная дама одарила меня вот таким же сладчайшим букетом. Я спросил даму, как называется этот чудесный парфюм, и ответ был такой: «Радость».

В жизни у меня было много необычного, но я впервые столкнулся вот так, в дубовой роще, с симпатичной, надушенной дорожными духами свиньей. Она не спеша подошла, положила рыльце мне на колени и издала затаенной и несколько пугающий звук, какой можно услышать от врача на Харли-стрит¹ перед объявлением, что ты болен неизлечимой болезнью. Затем она глубоко вздохнула и начала пощелкивать челюстями. Чем-

¹ Улица в Лондоне, где расположены частные практики преуспевающих врачей.

Выдать маму замуж

то это напоминало кастаньеты в руках лихих испанских танцоров. Она снова вздохнула. Стало понятно: дама чего-то хочет. Она обнюхала мою дорожную сумку, а когда я ее открыл, принялась радостно повизгивать. Там не было ничего, кроме недоеденного сыра. Я его вынул и, не потакая ее попыткам схватить весь кусок, отрезал ломтик. К моему удивлению, он остался лежать у нее во рту. Она его смаковала, как какой-нибудь сомелье смакует вино, впитывая весь букет. А затем осторожно, не торопясь принялась его пережевывать, тихо и довольно похрюкивая. Только сейчас я заметил на ее толстой шее очень изящный золотой ошейник, вроде жемчужного ожерелья, какие носят вдовы, а свисавший конец цепочки был оборван. Элегантность этой свинки не оставляла никаких сомнений в том, что она дорога хозяину и что она потерялась. Она приняла от меня еще немного сыра, похрюкивая от удовольствия и благодарности, и каждый ломтик пару секунд выдерживала на языке, как истинный ценитель. Последний кусок сыра я использовал в качестве приманки и с его помощью выманил свинку из леса и привел к моему фургону. Судя по всему, она была привычна к такому способу передвижения, потому что сразу удобно

устроилась на заднем сиденье, откуда по-королевски выглядывала в окно, а рот у нее был набит сыром. Пока я вез ее в деревню, подозревая, что там ее дом, она положила рыльце мне на плечо и уснула. Вряд ли, решил я, сочетание духов «Радость» и зрелого рокфора гарантируют ей внимание противоположного пола. Приехав в отель «Три голубка», я снял с плеча благоухающее рыльце, дал свинье остаток сыра, а сам отправился на розыски доблестного Жана. Он со всем тщанием полировал стаканы, периодически дыша на стекло и добиваясь идеального блеска.

— Жан, — начал я, — у меня проблема.

— Какая проблема, месье? — поинтересовался он.

— У меня завелась свинья.

— Месье купил свинью? — изумился он.

— Нет, я не покупал. Завелась. Я ел в лесу ланч, когда вдруг появилась эта свинья и решила разделить со мной трапезу. Свинья довольно необычная. Мало того что у нее страсть к рокфору, так на ней еще золотой ошейник и она пахнет дорогими духами.

Стакан, который он протирает, выскользнул у него из пальцев, упал на пол и разбился вдребезги.

Выдать маму замуж

— Господи! — воскликнул он, глаза у него округлились. — Это же Эсмеральда!

— Хотя на ошейнике нет имени, — сказал я, — но вторая такая свинья в округе вряд ли найдется, так что, скорее всего, это действительно Эсмеральда. И кто ее хозяин?

Он обошел конторку, давя ступнями осколки и снимая фартук.

— Ее хозяин месье Кло, — сказал он. — Боже мой, если она пропала, он сойдет с ума! Где она?

— В моей машине. Приканчивает рок-фор.

Мы подошли к фургону. Эсмеральда, поняв, что жестокая судьба лишила ее сыра, приняла философское решение: поспать. От ее храпа автомобиль дрожал, как при работающем двигателе.

— О-ля-ля! — сказал Жан. — Это она, Эсмеральда. Месье Кло сойдет с ума. Вы должны немедленно отвезти ее домой. Она для него — свет в окошке. Срочно верните ее на место, месье.

— Я с радостью это сделаю, если вы мне скажете, где живет месье Кло, — ответил я с некоторым вызовом. — Мне в жизни не хватало только свиньи.

— Свиньи?! — на лице Жана изобразился ужас. — Какая же это свинья, месье? Это Эсмеральда!

Эсмеральда

— Мне все равно, как ее зовут, — сказал я с горечью. — В данный момент она лежит в моей машине, и от нее несет, как от парижской шлюхи после попойки, где она закусывала сыром. Я буду только рад поскорее от нее избавиться.

Жан напрягся и уставился на меня, словно не веря своим ушам.

— Шлюха? Вы называете ее шлюхой? Но всем известно, что Эсмеральда девственница.

Не схожу ли я с ума? Стою возле своего фургона, в котором спит надушенная свинья по имени Эсмеральда, и обсуждаю ее половую жизнь с хозяином гостиницы «Три голубка»? Пришлось набрать в легкие воздуха, чтобы привести себя в чувство.

— Послушайте, — говорю, — меня не интересует половая жизнь Эсмеральды. Даже если ее изнасиловали все кабаны Перигора.

— О господи! — Жан побелел как полотно. — Ее изнасиловали?

— Нет, насколько мне известно. Ее не лишили девственности, если у свиней это так называется. Надо быть особо похотливым кабанчиком, совершенно лишенным обоняния, чтобы позариться на свиноматку, пахнущую, как дорогая шлюха субботним вечером.

Выдать маму замуж

— Месье, пожалуйста, я вас умоляю! — страдальчески воскликнул Жан. — Не произносите такие вещи... особенно в присутствии месье Кло. Она для него святая.

Меня уже подмывало сказать какое-то богохульство про святую свинью из страны Гадаринской¹, но я сдержался, видя, насколько серьезно мой собеседник ко всему этому относится.

— Вы говорите, что месье Кло будет обеспокоен пропажей Эсмеральды? — сказал я.

— *Обеспокоен? Обеспокоен?* Да он с ума сойдет.

— Значит, чем скорее я ее верну, тем лучше. Где он живет?

Как человек, чье детство прошло в Греции, где расстояние измеряется в выкуренных сигаретах (вот только я в десять лет не курил), я неплохо научился вытягивать из местных жителей подробности, как куда добраться. К этому следует относиться с упорством археолога, счищающего наслоения веков, чтобы обнаружить некий артефакт. В чем главная проблема? Люди исходят из того, что ты так же хорошо знаком с дан-

¹ «И приплыли в страну Гадаринскую... <...> Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло» (Лк. 8: 26–33).

Эсмеральда

ной местностью, и потому требуются время и терпение. В этом смысле Жан превзошел всех.

— Месье Кло живет в Лез-Арбузье, — ответил он.

— А это где? — уточнил я.

— Рядом с месье Мермо.

— Я не знаю месье Мермо.

— Вы не можете его не знать, это же наш плотник. Все столы и стулья для «Трех голубков» — это его работа. А также стойка бара и полочки в кладовке, хотя тут я не уверен... кажется, их делал месье Девуар. Он живет в долине у реки.

— А где живет месье Кло?

— Я же вам сказал: рядом с месье Мермо.

— А как добраться до месье Кло?

— Надо проехать через деревню.

— В какую сторону?

— В эту. — Он показал.

— А потом?

— Возле дома мадемуазель Юбер повернете налево.

— Я не знаю, где находится дом мадемуазель Юбер. Как он выглядит?

— Коричневый.

— В деревне все дома коричневые. Как я его узнаю?

Выдать маму замуж

Жан всерьез задумался. И наконец разродился:

— Сегодня четверг. Значит, она будет убираться. *Enfin*¹, она вывесит в окне спальни красный коврик.

— Сегодня вторник.

— Ах да. Тогда она будет поливать растения.

— Итак, я поворачиваю налево возле коричневого дома, где женщина поливает растения. А дальше?

— Вы проедете мимо военного мемориала, мимо дома месье Пеллиго, а перед деревом повернете налево.

— Каким деревом?

— Возле поворота.

— В Перигоре огромное количество деревьев. Вдоль каждой дороги. Как я отличу это дерево от других?

Жан с изумлением на меня посмотрел:

— Возле этого дерева покончил с собой месье Герольт. На каждую годовщину его вдова приносит туда свежий венок. Такая вот примета.

— Когда это произошло?

— В июне пятидесятого. Шестого или седьмого, точно не скажу. Но в июне.

¹ Стало быть (*фр.*).

Эсмеральда

— Сейчас у нас сентябрь. Значит, у дерева будет лежать венок?

— Ну что вы. После того как цветы увяли, его выбрасывают.

— И как тогда я узнаю дерево?

— Это дуб.

— Здесь полно дубов. Есть какие-то особые приметы?

— Там есть вмятина.

— Итак, я повернул налево. И где будет дом месье Кло?

— Его невозможно пропустить. Приземистое вытянутое белое строение. Настоящий старый фермерский дом.

— Значит, я должен высматривать белый фермерский дом?

— Да, но с дороги его не видно.

— И как же я тогда пойму?

Он хорошо подумал.

— К дому месье Кло ведет деревянный мостик с выпавшей доской.

В этот момент Эсмеральда перевернулась на другой бок, обдав нас волной запахов. Мы невольно попятнулись.

— Итак, — говорю, — проверим, правильно ли я вас понял. Я поворачиваю налево там, где женщина поливает растения. Проезжаю мимо военного мемориала и дома месье Пеллиго и еду прямо, до дуба с вмя-

Выдать маму замуж

тиной, там поворачиваю налево и высматриваю мостик с выпавшей доской. Все правильно?

— Месье, вы как будто родились в нашей деревне, — с восхищением сказал Жан.

Я таки добрался до места назначения. Правда, мадемуазель Юбер не поливала растения и в окне ее спальни не висел красный коврик. Она спала, сидя на солнце. Я вынужден был ее разбудить, дабы удостовериться, что она та самая мадемуазель Юбер, возле дома которой я должен повернуть налево. На дубе была вмятина, и довольно основательная, из чего я заключил, что месье Герольт выпил изрядную порцию пастиса, прежде чем врезаться в дерево на своем «дешевом»¹. У мостика действительно отсутствовала одна доска. Инструкции местного жителя, при всей их загадочности, всегда отличаются точностью. Я ехал вдоль изрезанной колеями дороги, по одну сторону которой тянулись зеленые луга, испестренные особями крупного рогатого скота породы шароле кремовой расцветки, а по другую — целое поле подсолнухов, обращенных молитвенно-восхищенными желто-черными

¹ «Deux Chevaux» — «Две лошадки» (фр.). Прозвище микролитражного «Ситроена 2CV» («2CV» — «Deux Chevaux Vapeur» — букв. «две паровые лошади»).

Эсмеральда

ликами к солнцу. Я миновал рощицу и увидел дом месье Кло — вытянутое приземистое строение, белое, как голубиное яйцо, с крышей из старинной черепицы, толстой и темно-коричневой, как плитки шоколада, и украшенной золотистым лишайником. Перед домом стояли две машины — полицейская и «скорая помощь», и я припарковался рядом с ними. Заглушив мотор, я тотчас услышал, несмотря на храп Эсмеральды, доносящуюся из дома странную какофонию — крики, вопли, стоны, завывания и даже скрежет зубовой. Я предположил — и не ошибся, — что исчезновение Эсмеральды не прошло незамеченным. Я подошел к настежь распахнутой двери и, взявшись за медный дверной молоток в виде руки, сжимающей шар (в этом было что-то фрейдистское), громко постучал. На бучу в доме это никак не повлияло. Повторный стук снова не дал результата. Тогда я забарабанил с такой свирепостью, что даже удивительно, как молоток не отвалился. На мгновение бедлам утих, и через несколько секунд на пороге появилась молодая женщина редкой красоты. Ее длинные волосы были растрепаны, что только добавляло им очарования; цвета закатного солнца, они собой воплощали мечту, порой несбыточ-

ную, всякого осеннего листа. Ее слегка загорелая кожа казалась шелком персикового оттенка. Темные брови, подобно крыльям альбатроса, накрывали ее огромные золотисто-зеленые глаза. Губы ее своими очертаниями и мягкостью заставили бы дрогнуть самого верного супруга. По ее щекам текли слезы, настоящие бриллианты в двадцать два карата.

— Месье? — спросила она, вытирая щеки тыльной стороной ладони.

— Бонжур, мадемуазель, — сказал я. — Могу ли я увидеть месье Кло?

— Месье Кло никого не принимает. — Она сглотнула, а по щекам снова заструились слезы. — Он нездоров и не принимает гостей.

Тут из задней комнаты, где снова начался бедлам, вышел громадный брюхастый жандарм с глазами, как две черные смородины, винно-красным носом в голубых жилках и черными усищами, похожими на висящего мертвого крота. Окинув меня оценивающим взглядом, в котором органично соединились подозрительность и недоброжелательность, он повернулся к прекрасной даме.

— Мадам Кло, — произнес он медоточивым голосом. — Я должен идти, но вы